

Конь готов был перешагнуть на новый ранг.

Из пламени, охватившего скелет, вырывались ослепительно-белые языки. Призрачная синева, въевшаяся в сухие кости, выгорала дочиста, уступая место перворождённому огню, поднимавшемуся из самого нутра.

В такие переломные мгновения люди часто предаются воспоминаниям. Кони — не исключение.

Линьхуа невольно погрузился в прошлое. Будучи единственной осквернённой аномалией, сохранившей рассудок, он больше не мог предугадать ход мыслей Преподобного после падения.

Преподобный поглотил Линьюань. Даже самые устойчивые гены не способны были сдержать осквернение. В те дни он становился всё более молчаливым; Гвозди Алого Ослабления Духов вонзались в его плоть один за другим, но Линьюань сжигал их без остатка.

Боль была невыносимой, и Линьхуа умолял его сдаться.

— Я ещё подожду, — неизменно отзывался Преподобный.

Чего именно он ждал?

Линьхуа не понимал.

— Преподобный, — спросил он однажды, — неужели найдётся тот, кого Созидание одарит своей милостью так же, как тебя?

Они перепробовали сотни живых существ, но Высшая сила оставалась глуха. Из всех творений она благоволила лишь ему — этому прекрасному человеку.

— Должен быть, — отвечал Преподобный без особой уверенности. — Меня выбрали, пожалуй, только ради перемен.

Он прикинул, сколько ему осталось до окончательного падения:

— Недолго. Считанные годы.

Он действительно больше не мог сопротивляться.

Прошли века. Сменялись эпохи и людские династии, Преподобный и его соратники

превратились в полузабытые легенды. Но в один из дней Преподобный заговорил с ним сам.

В последний раз.

— Линьхуа, я погружаюсь в сон.

Его силы окончательно иссякли.

Самозаточение позволяло и дальше оттягивать момент, когда Линьюань явится миру. Вот только Линьхуа остался в абсолютном одиночестве — заговорить ему было больше не с кем.

Огонь, бьющий из самых костей, озарил скелет контурами святого сияния. Теперь Линьхуа напоминал мифического скакуна, источающего божественный свет.

Он наконец-то пробился к S-рангу.

Едва обретя новую силу, Линьхуа отвесил пинок Шоуе, без церемоний оттолкнул Сигуана и не обошёл вниманием бесноватого Хуаньшу. Лишь глупую змею — Ариэкса — он пожалел, мягко опустив копыто ему на голову, будто погладил ладонью.

«Как же хорошо», — подумал Линьхуа. В самом начале он честно признавался себе, что не представляет, как спасти жизнь Цзян Фэю в сложившихся обстоятельствах.

Он опасался, что Преподобный мгновенно уничтожит парня или убьёт себя, позволив Линьюань окончательно вырваться на свободу. Но ничего подобного не произошло.

Все были живы, а осквернённые аномалии в этом пространстве от голода окончательно лишились рассудка — всё сложилось куда лучше, чем они с Преподобным смели надеяться.

Прежде Линьхуа от тоски пробирался в сознание Хуаньшу и через системный сбой проживал собственную «лошадиную жизнь», рисуя в ней самые идеальные картины.

Теперь же он использовал этот баг для Цзян Фэя, утащив его в симуляцию. Линьхуа рассудил: даже если реальность снаружи обратится в прах, он хотя бы подарит парню иллюзию счастья.

Вероятно, именно ради этого Преподобный в своё время и заложил подобную лазейку.

Цзян Фэй начал замечать, что его идеальная жизнь дала небольшую трещину.

В первый же день знакомства он умудрился утащить избранника в загс и расписаться. Его научный руководитель, Юнь Маньмань, даже позвонила с расспросами и искренне похвалила его смелость.

Однако в первую же совместную ночь Фу Сяо категорически отверг предложение разделить одну кровать и непреклонно устроился на диване.

Цзян Фэй слегка приуныл, хотя и признавал: поведение Фу Сяо не было беспричинным капризом. В конце концов, они едва знали друг друга.

Мужчина был сдержан и застенчив, а сам Цзян Фэй — открыт и напорист. Что мешало ему проявить инициативу?

Среди ночи Цзян Фэй вскочил, упаковал вещи и уже на следующий день перебрался в квартиру Фу Сяо.

— Так ведь тебе будет комфортнее? — с улыбкой спросил он.

В ответ Фу Сяо предложил сначала лучше узнать друг друга.

Сходили на свидание, расписались... И вот на третий день после знакомства они распечатали из интернета список «Ста вещей, которые обязана сделать каждая пара», подойдя к романтическим отношениям с максимальной ответственностью, точно к работе!

Они усаживались на диван за просмотр мелодрам — с неизменным финалом, где Цзян Фэй засыпал уже через десять минут.

Катались на колесе обозрения в парке развлечений, гуляли по бархатистому песку на побережье.

Выбирали живописное место для кемпинга, чтобы под шум ночного леса смотреть на россыпь звёзд и загадывать желания на падающие метеоры.

Список постепенно уменьшался, они становились всё ближе, но раздражение Цзян Фэя лишь росло.

— Если ты не собираешься ко мне прикасаться, зачем вообще соглашался на брак?

Во время киносеансов Цзян Фэй ютился на одном конце дивана, Фу Сяо — на другом, а раскинувшийся между ними глуповатый домашний кот казался непроходимым рубежом, пострашнее Млечного Пути, проведённого шпилькой Западной Матери.

На самой высокой точке колеса обозрения тот поцеловаться не дал; на пляже, когда Цзян Фэй повалил его на песок, снова увернулся; даже в глухом лесу во время ночёвки победа ему не досталась.

Цзян Фэй искренне не понимал:

— Я же сразу сказал, мне без разницы, кто сверху, кто снизу. Не надо придумывать сказки про несовместимость!

Ему подходит любой расклад! Откуда у этого человека столь упорное сопротивление?

Перебирая в руках прочный пеньковый канат, Цзян Фэй не мучился рефлексией. Быстрая свадьба без любви?

Плевать, любит или нет, сперва надо уложить его в постель!

Не сошлись душами — сойдутся телами!

Он сноровисто сдёрнул с Фу Сяо рубашку и обвязал верёвку так, чтобы та эффектно подчеркнула рельеф груди и пресса.

Погладить натянутую кожу было святым делом. Связав мужа, Цзян Фэй мгновенно успокоился, и от недавних угроз разводом не осталось и следа.

Фу Сяо затянул прежнюю песню:

— Мне кажется, нам стоит лучше узнать друг друга.

— Хочешь развестись? — поинтересовался Цзян Фэй.

— Нет, — отрезал тот без колебаний.

— Значит, познакомься со мной в постели, — так же твёрдо заявил Цзян Фэй.

Ему казалось, что теперь победа у него в кармане. Он даже предусмотрел запасной вариант на случай, если у Фу Сяо не возникнет нужного настроения — просто возьмёт всё в свои руки. Но Цзян Фэй никак не ожидал, что даже в таком положении Фу Сяо умудрится порвать канат и дать дёру!

Волна злости, подступившая к горлу Цзян Фэя, могла бы возрасти с десятков Владык Демонов!

Телефон зазвенел, словно делая последнюю попытку спасти ситуацию.

Цзян Фэй решил, что это Фу Сяо звонит спасти своё достоинство, но на экране высветилось имя Цзогу — дяди его научрука.

Честно говоря, начиная с Лю Цыня, совпадение двух факторов — знакомый плюс мужчина — вызывало у Цзян Фэя устойчивый ПТСР.

Охваченный этим чувством, он ответил на вызов и услышал до боли знакомые речи. Насытившись ими, Цзян Фэй сбросил звонок, но телефон зазвонил вновь.

— Линь Тяньа... — Цзян Фэй долго молчал, и лишь когда вызов снова разъединился, тихо прошептал: — Разве я вообще знаю кого-то с таким именем?

Треск-ц-ц...

В ушах оглушительно раздался звук рвущихся электрических разрядов.

Симулированная жизнь так и не смогла достигнуть идеала, а соблазнение плотскими утехами потерпело крах...

Система рухнула.

Память вернулась к Цзян Фэю, и он быстро восстановил цепочку событий.

Что ж, по крайней мере, досада немного улеглась.

Квартира Фу Сяо раскололась, словно зеркало, и отражённый в нём обыденный мир растаял без следа. Реальностью Цзян Фэя была не размеренная жизнь обывателя, а аномальная катастрофа.

Сердцем этой симуляции был операторский пункт с сотней мониторов, за которыми осквернённый «программист» Сычэнь чуть не раздолбил клювом клавиатуру.

Этот священный зверь, когда-то разгонявший мрак и приносивший свет, превратился в жуткую, невообразимую тварь. пышное оперение облысело, а на обнажённой коже переплелись гнойные язвы и наросты.

— Не то... Всё не то... — бормотал он.

Почему жизнь его испытуемого вышла столь далёкой от совершенства?

Тайный путь, который защищал Сычэнь, сдерживаемый Гвоздями Алого Ослабления Духов, оставался его последним рубежом.

Чудовище повернулось. В его глазах ещё сохранялись остатки разума. Уставившись на Цзян Фэй, Сычэнь прошипел:

— Всё не так... Всё не так... Может, проблема в тебе?

— Это уж спрашивай со своего Преподобного, — без зазрения совести переложил вину Цзян Фэй.

С аномалиями спорить бессмысленно, но парень не удержался от едкого замечания:

— Сам в постель не ляжет, да ещё и другим не даёт занять своё место.

— Преподобный... — пробормотал Сычэнь.

В глазах Сычэня вспыхнул алый огонь, но тут же угас.

Аномальное существо всё ещё тревожилось из-за непройденного сценария и судорожно искало решение.

— Ладно... Я дам тебе ещё один баг. Выбери образ того, кто тебе по душе... и начнём заново...

Успешное прохождение дарует духовное тело; если сценарий сорвётся — он перестроит его и всё равно отдаст награду.

Цзян Фэй даже не признался, что уже воспользовался багом.

Пришлось зайти с другой стороны, чтобы бережно обойти хрупкую психику осквернённого зверя:

— Но сам мир не совсем отвечает моим вкусам.

— Чем он тебе не угодил? — искренне изумился Сычэнь. — Разве ты любишь не мужчин?

Он не понимал. Ведь он специально изменил законы мироздания, взяв за основу порядок материка Ушу, где подобные связи не встречали преград.

Свидания, брак — всё было открыто и доступно.

И всё же Цзян Фэй испытывал явное разочарование, пусть даже и воспользовался багом.

— Не совсем то, — задумчиво погладил подбородок Цзян Фэй. — В этой симуляции Преподобный предстал обычным человеком. На время пойдёт, но для полноценной жизни я всё же предпочитаю тот длинный змеиный хвост. Обхватывать его ногами куда приятнее.

— Теперь, помимо мужчин, меня привлекают ещё и не совсем человеческие особи, — деловито пояснил Цзян Фэй. — Ниже пояса должен быть мощный чёрный хвост. А примерно в дюйме от основания, на брюшной стороне, находится крошечная чешуйка... Стоит лишь слегка провести по ней пальцем, как он сразу...

Появившийся за его спиной Фу Сяо наконец не выдержал и зажал ему рот ладонью.

Обомлевший Сычэнь от такой откровенности даже немного протрезвел. Птичий клюв широко раскрылся, выплюнув застрявшее в горле духовное тело.

— Пришёл Преподобный... Всё в порядке... — выдохнул Сычэнь.

Его осквернённая плоть начала стремительно преображаться. Яркий золотой петух звонко запел, встречая рассвет, и растаял в воздухе, уходя в небытие, подобно материке Ушу.

Он наконец исполнил своё предназначение.

Освобождённое духовное тело влилось в грудь Цзян Фэя.

[Обновление данных...]

[Пробуждение способности: Генетический номер 11 «Родословная» завершено. Пожалуйста, настройте генофондный навык.]

[Рекомендуемые навыки...]

[Треск... Активирована уникальная способность родословной. Настройка генофондного навыка заблокирована.]

[Божественная красота созидания: разделяя тьму и свет.]

Цзян Фэй обернулся с крайне недовольной миной:

— Мой дорогой Преподобный, ты только что разрушил мою счастливую жизнь.

Однако Фу Сяо-аномалия был совсем не таким покладистым, как его человеческий двойник. Он властно сжал пальцами подбородок Цзян Фэя, приподнял его лицо и без лишней нежности вонзился в его губы поцелуем.

— Даже не мечтай, — прошипел он.

Его раздражало то, что парень готов был отдаться той фальшивке, пусть даже с его внешностью и повадками.

Цзян Фэй не стал сопротивляться — напротив, он охотно обвился ногами вокруг поджарых бёдер змеиного тела.

— Тогда загладь свою вину, — искушающе прошептал он. — Подари мне настоящую, идеальную жизнь.

Фу Сяо лишь слегка прикусил его губу, но не сделал больше ни единого движения.

Цзян Фэй чуть отстранился, оставаясь в его объятиях и глядя на Преподобного свысока:

— Великий Преподобный, дерзнувший поглотить сам Линьюань... а теперь ты жалкое зрелище.

— Линьюань окончательно подчинил тебя.

— Боишься, что я прозрею? Поэтому и не смеешь сделать ни шагу за черту?

Фу Сяо впился в его губы вновь:

— Ты правда готов рисковать? Пойдёшь на непредсказуемые последствия?

Осквернённой твари чуждо понятие осторожности или просчёта рисков.

Пока он не убил Цзян Фэя, а Цзян Фэй не уничтожил его, их судьбы уже катились по неуправляемому наклонному пути.

— Сначала докажи, что вообще способен на это, — задетый за живое Цзян Фэй не упустил случая съязвить... И в итоге сполна расплатился за свой длинный язык.

— Что ж... Будь по-твоему, — прошипел Преподобный.